

Соловьев-Седой
В. П.

март, 14, 87

16

Гов. и пос. Москва 1987. - 14, март.
В. Соловьев-Седой:

«ДЕЛО ЖИЗНИ—ПЕСНЯ»

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОМПОЗИТОРА

ПЯТНИЦА, 3 АПРЕЛЯ, 1 ПРОГРАММА, 11.15

Соловьев-Седой и песня. Да это одно и то же. Называешь его имя — разворачивается целая песенная гряда, или, говоря возвышенной, созвездие песен. А заведешь речь о песенных делах — и не вспомнить его невозможно. Такое впечатление, что он взял и родился сразу песенником. А ведь и повод, видно, был прийти к песне. И самое начало песенное было. И первые впечатления от встречи с музыкой, в которых часто тропинка ко всей будущей дороге жизни.

Однажды в Москве, в репетиционном зале Дома Советской Армии, весной 1972 года В. П. Соловьев-Седой показывал свои новые песни Б. А. Александрову и его ансамблю. Автор начинал их петь и вдруг обрывал песню на полуслове, говорил: «Ну, и так далее». И эта обычная фраза, и простота, и какая-то кажущаяся небрежность исполнения делали обыденными минуты рождения песни такого мастера. Но здесь не было никакой игры и никакой небрежности: «Я не артист своим песням, а родной отец». Чего еще? Вот вам песня, а вот так она примерно должна звучать. Потому что он-то знал, как она должна звучать по-настоящему. Знали об этом и те, кто слушал его тогда...

А потом Василий Павлович согласился поговорить. «Только давайте-ка на улицу, — предложил он, — весна все-таки, месяц май».

Вот и возник тогда вопрос о первых его музыкальных впечатлениях. Не каждый, заметил я, помнит о них.

Он сильно сощурил свои всегда какие-то напряженно-близорукные глаза:

— Первые, может, и не помнят. Назовут первыми, а они окажутся не первыми. Музыка входит в жизнь до того, как ты сам себя осознаешь. И сильно входит, навсегда. А самые первые, которые запомнились?.. Ну, не первые, может, сильные... Я рос в ту пору, когда всюду звенели песни гражданской войны, романтические, очень, как бы сказать, просторные и очень лихие. Среди них мало было медлительных, раздумчивых. И форму они имели соответствующую, темпую — чаще всего марш. Помню, сильное впечатление произвела на меня «Красная кавалерия» Дмитрия Покрасса, с которым мы в свое время стали друзьями. Под нее мы шли на собрания и трудовые сборы, на субботники, ее мы пели на выпусках «живой газеты» (теперь их называют «устными»). Не просто пели — подсеивали, притоптывали, изображали кавалерию на марше. Вот этот, как его стали называть, «Марш Буденного» и дал мне первый незабываемый пример нашей массовой песни. А песни других мастеров — Дунаевского, Александрова Александра Васильевича, Захарова, Новикова, — все это будет позднее.

— А вы не сразу пришли к песне?

— Не сразу. Я уже стал профессиональным сочинителем, отучился в Центральном музыкальном техникуме, и к концу подходила учеба в Ленинградской консерватории, а к песне я еще не приступал. Нет, романсами, конечно, баловался и балет «вмучивал». То есть пыжился сделать что-то и посложнее, и позаметнее, и поизящнее. Отчего так? Да все оттого. Так оно всегда и бывает с человеком, попавшим из хаты в светскую залу. Напаяли на себя фрак, а манер своих нет, и разговор с чужого голоса. И я, выходец из самого что ни на есть глубинного пролетариата, не избегал этих болячек.

— А был ли, Василий Павлович, все-таки момент, повод,

когда вы вдруг догадались, что ваше дело — песня?

Ответил он, не задумываясь:

— Подтолкнула сильно меня к своему, как потом оказалось, делу песня Владимира Григорьевича Захарова «И кто его знает». Какая же она, озарило меня, непридуманная, будто стеклись девчата в заочинный хор, а одна молодница вышла из круга и затянула — просто и открыто, как оно и бывает среди своих, не напоказ, а для души! И ведь как легко поется песня, и как слова заезжаны с музыкой, словно лодка плывет по течению...

Вот так начинался наш великий песенник, первый и покуда единственный из наших композиторов награжденный за чудесные свои песни Ленинской премией.

Теперь пестрая и шумная песенная стихия далеко вроде бы укатила от глубокого течения Соловьева-Седого. Не сегодня-завтра выдвигается ее девятый вал, наскочит на берег, ударит оглушительно в гранит и, взорвавшись пеной и брызгами, откатит назад, на круги своя, туда, где глубже и спокойнее.

Соловьев-Седой понимал и принимал любую музыку — и новую, и молодежную, и которая ВИА, и которая просто, под семиструнку, и тихую, и громкую. Не понимал и не принимал лишь бездуховную, шаманствующую голым ритмом, и лишь безграмотную.

«Проблема современной популярной музыки, — говорил он, — упирается в проблему учения, овладения музыкальной наукой, а потом и высотами музыки».

И еще:

«Всегда помните: настоящая песня рождается большой мыслью и большим чувством. Песня — миниатюра, требующая величайшей отделки каждого танта и каждого слова. Если вы утонете в море песен-безделок, песен-однодневок, вы ограбите самих себя, ужасающе обедните свою духовную и эмоциональную жизнь».

А он, как хорошо известно, слов на ветер не бросал...

В передаче «Композитор В. Соловьев-Седой. К 80-летию со дня рождения» вы услышите его песни и фрагменты оперетт.

В. ГУСАРОВ

Фото А. Левина